

Философия таджиков

И.Асадуллаев: Философия таджиков

01:43 07.01.2008

15 декабря 2007 года состоялся круглый стол НПО "Диалог", в работе которого принимали участие представители интеллигенции светского и религиозного направления. Вел его председатель Партии исламского возрождения Таджикистана Мухиддин Кабири. Дискуссия развернулась, главным образом, вокруг вопроса о таджикской философии, ее соотношения с литературой, поэзией и религией. Знаменательно, что именно в этом месяце январе состоятся выборы в новые члены-корреспонденты и академики Академии наук Таджикистана.

Докладчиком был Рустами Вахоб, который высказал мнение о том, что литература остается литературой, а нам следует создать современную непротиворечивую систему таджикской философии. Он заметил, что, например, великий Омар Хайям в одних строках пишет о ничтожности человека, а в других о том, что именно человек является главной жемчужиной мироздания. Что же брать за основу?

На наш взгляд, у нас, таджиков есть своя исторически сложившаяся философия. Мысли о том, что нам нужна новая непротиворечивая система философии нации, опираются на возникший в последние столетия миф о существовании философии в виде логически непротиворечивой системы взглядов на фундаментальные вопросы науки. Я думаю, что здесь влияние и марксизма. Этот миф о науке существует и сегодня в разных науках и в основном в философии.

Между тем наука никогда в целом не была логически завершенной во всех отношениях, даже во времена Ньютона. По существу, это принципиальный вопрос, он касается не только философии, но и политики, идеологии, общественных и естественных наук.

Чтобы было проще, рассмотрим это в политике. Например, США никогда не кладут "яйца в одни корзины", это касается и других великих держав. Политика становится успешней с "разными корзинами", реальность подтверждает это. Также и в науке, особенно общественной, она оптимальна при многообразии, сосуществовании различных подчас противоречивых вариантов и позиций.

Если бы не было терпимости к многообразию, то не мог бы, например, успешно продвинуться междатджикский мир.

Однако в философии таджиков есть несколько иные аспекты. Мы будем говорить не о профессиональных философах, как Фараби, Ибн Сина, Бируни, Туси и других, а о такой ее части, как мудрость, выраженная стихами. Дело в том, что в отличие от некоторых современных поэтов, поэты нашего далекого прошлого были, прежде всего, мыслителями, мудрецами, писавшими стихами. В то же время это были и поэты высочайшего класса.

Согласно требованиям и тогда и в современной поэзии следует сочетать два важных принципа: глубочайший смысл, содержание поэзии и необыкновенное великолепие поэтической формы. Именно это является характерной чертой Рудаки и Фирдоуси, Руми и Хафиза, Хайяма и сотен других таджикско-персидских поэтов, писавших на едином для хорасанцев языке. Их поэзия, как и философская мудрость необыкновенно разнообразна, иногда противоречива, но это величайшее наследие не только поэзии, но и философии, понимания жизни.

Когда Хайям говорит о ничтожности человека, а в другом рубаи о его центральном месте в мироздании, нельзя понимать это односторонне по-советски, наделяя человека только могуществом или только ничтожностью, как это делают некоторые непонимающие религию люди. Насколько он могуч, это показал развал СССР. На наш взгляд, Хайям прав и в том и другом случае. Литература не может быть только литературой. Таджикская поэтическая традиция содержит в себе богатейшую философию, которая, однако, противоречива, многогранна. И до сих пор во многом не раскрыта. Она и не должна быть непротиворечивой. Сама живая жизнь противоречива. Если бы таджики придерживались только одной системы, то народ просто бы исчез.

На круглом столе говорили о том, что многие не читали Маснави Руми в самой Академии наук, что 65 % населения не знает своих классиков. С этим трудно согласиться, но если даже отчасти это так, то благодаря самым противоречивым позициям таджики сохранили себя. Кому-то покажется кошмарной моя мысль о том, что не только религия ислам сохраняла народ, но и коммунистические идеалы, не только ислам выражает народность, но и наше отношение к зороастризму как величайшему наследию народа. Зороастризм как религия большинства мертва, но высота человеческого духа, проявленная нашим народом остается его высотой, определяющей историческое место таджиков и других иранских народов в истории человечества. Спросите, знают ли многие зороастризм как учение во всех подробностях. Нет! Но зороастризм, Заратуштра, маздакизм и многие другие течения и учения - это суть наследие в символах, без которых человек не может жить полнокровно, даже не зная их как развернутую систему. Достаточно, чтобы это знали элиты. И сегодня коммунизм жив, потому что его идеалы о справедливости, равенстве, благополучии людей дороги, несмотря на преступления и трагедии. Коммунизм в советском и марксистском варианте оказался утопией, ее воплощение было трагическим, но разве у человека можно отнять мечту о равенстве и благополучии?! Особенно когда этого нет.

Одна важная задача не учитывается нашими оппонентами. Это задача вычленения философии из богатейшего поэтического наследия таджиков. Например, системный анализ был открыт Людвигом Фон Бергаланфи в XX веке, но он лишь вычленил этот метод, который существовал веками. Системный подход

встречается и у Ибн Сина, но в его практической логике. Однако подвиг Берталанди в том, что он глобально поставил вопрос о существовании системного метода.

Поэтому для нас важнейшей задачей является не только новое понимание классиков таджикской философии, но и вычленивание философии из богатейшего поэтического наследия таджиков. Это сегодня пытаются делать, но остаются в плену описаний и комментариев. Это относится и к религии, и к суфизму. Разве суфизм можно до конца понять только как религию?

Между тем именно в наши дни человечество начало понимать важнейший смысл религии, без которого не может быть мира между цивилизациями. Только понимание религии как источника человечности может дать мир народам и каждому обществу. Разве это не задача национальной таджикской философии?!

Таджики сохранились также и потому что сохраняли свой язык. Это в одном случае. В другом случае, выдержали испытания судьбы, благодаря тому, что иные понимают как влияние религии. Вспомним слова великого Бедия: "Бе вазъи мулоим натавон баст рахи зулм, девору дари хонаи замбур зи мум аст" ("Без мягкого нрава и терпимости невозможно остановить дорогу деспотизма, стены и двери дома осы состоят из воска"). Но с другой стороны, разве идеи человеческого могущества не помогли в строительстве Вахшского канала, заводов и фабрик в советское время?! Коммунизм в этой части света был той формой, который допустил мощное движение нового шуубийя: публиковались сотни тысяч книг, возрождающие национальный дух таджиков.

Два слова о шуубийя (см.: И.Асадуллаев, О.Назриева Диалектика суфизма. Фахриддини Ироки и Гегель, <http://www.centrasia.ru/> 10:44 02.04.2007).

Окидывая единым взглядом историю таджиков, мы можем с уверенностью говорить сегодня о шуубийя советского периода, которая отличается многоцелевым характером. Новая шуубийя, начиная от Садриддина Айни, Абдугани Мирзоева, Алоуддина Богауддинова, Бободжона Гафурова и других деятелей науки, литературы и культуры, заложила непосредственную основу национальной независимости современного Таджикистана. Шуубийя это не просто переводы, но в подлинном ее смысле, прежде всего, сохранение и развитие наследия, которое, в конечном счете, влияет на все развитие народа. Основная цель шуубийя, которую мы предлагаем понимать несколько шире в соответствии с ее смыслом, заключается в защите существа народа и культуры во имя будущего. Это возрождение происходило и происходит сегодня в Таджикистане вопреки всему.

В результате разнородности развития восточных стран и европейских на протяжении последних веков и отсутствия в прошлом политической независимости у первых, названные страны и их народы должны были решать задачи сохранения своей этничности во имя возрождения.

Одна из них это Шуубийя Востока, возникшая с началом великого пробуждения Азии. Шуубийя в широком смысле слова и сегодня существует, поскольку и сегодня не решены задачи преодоления неравномерности развития Востока и Запада. Надо открыто признать, что эта неравномерность препятствует окончательному выходу бесценной духовности Востока, великой философии таджиков из тумана замалчивания и европоцентризма. Важнейшей ее частью является восточная мудрость в нашей поэзии и суфизме.

Автор этой статьи и соискатель О.Назриева предлагают понимать шуубийю в узком и широком смыслах. "В половине IX века иноверцы и инородцы в халифате, - писал ВВ. Бартольд о патриотизме иранских народов в эпоху халифата, - были гораздо образованнее мусульман и арабов. Сознание инородцами своего культурного превосходства над арабами вызвало в мусульманском мире ряд националистических движений, объединенных под общим названием шуубийя" (Сочинения. Т. VI. // Москва: "Наука" - С. 152). Одной из главных задач того времени было сохранение доисламского наследия путем переводов на арабский язык. В русле шуубийя советского периода и в годы независимости многие замечательные ученые Таджикистана провели огромную работу по исследованию, переводам, публикациям и комментариям обширного философского наследия таджиков. В том числе и такой важной его части, как философия суфизма в различных его направлениях, в частности суфизма Джалалиддини Руми, Абдурахмони Джамии, философии накшбандия, гносеологии суфизма, в целом - Хорасанского суфизма, и т. д. Это А.М. Богоутдинов, М.Р. Раджабов, М.С. Асимов, М.Д. Диноршоев, Н.Ф. Одилов, К. Олимов, А. Мухаммадходжаев, М. Султанов, Н. Кулматов (Арабзода), Х.Д. Додихудоев, А. Шамолов, С.Х. Рахимов, С. Сулаймонов, К. Бекзода, Назри Яздони, Т. Мардонов, И. Зиеев, М. Хазраткулов, Х. Зиеев, Я. Одинаев и многие другие.

Институт философии Академии наук Таджикистана сделал много для нового шуубийя, но есть задача, которую не поднимают на должную высоту. Дело в том, что существует история философии как история и история философии как философия. Институт философии много сделал для первой задачи, но совершенно недостаточно делает для второй задачи. В результате этого Институт философии АН РТ можно было бы главным образом назвать Институтом источниковедения, публикаций, комментариев и только в последнюю очередь философии. Великих философов прошлого главным образом комментируют: в этом он идеалист, а в этом - материалист, или теолог, описывают их взгляды, и т. д. и т. п. Тогда как следует на основе их творчества ставить совершенно новые проблемы современной мировой философии.

Рассматривая историю философии в целом, я бы отметил, что творчество Фараби, ар-Рази, Авиценны, Бируни, Руми, Бедия и других мыслителей человечества это не прошлое, а представляет собой потенциал для решения современных философских проблем. Они источник решения сегодняшних задач науки. На них надо смотреть не как на историю, а как на современников, и не заниматься только комментированием. Если мы будем заниматься только тем, что и как они здорово сказали в прошлом, это ничего не даст, кроме самолюбования. Нам надо расшифровывать необыкновенное богатство их современной философии, вычленивать неизвестную еще нам логику в поставленных ими других проблемах.

Причем это такая логика, которая в целом для философии таджиков (как, впрочем, и для немецкой классической философии и другой философии) противоречива и не системна. Я уже как-то писал, что на каждой странице трудов Ибн Сина заключаются идеи, неудержимо вызывающие научные поиски. Возьмем его переписку с Бируни и обратим внимание на следующий момент. Ибн Сина разъясняет Бируни, что без контакта не может быть взаимодействия: "А что ее не достигнет, то и не коснется. А что не коснется, не будет

иметь действие на нее".

Эта аксиома очевидна, она подтверждается мириады раз на практике. И в физике это очевидно. Не может быть действия или взаимодействия без контакта. Отсюда кажущийся абсурдным вопрос: может ли быть координация вещей вне контакта непосредственного или опосредованного? То есть вопрос, где на одном полюсе идея об универсальной связи всего, на другом - идея абсолютной разорванности вещей. Существуют теории о дуализме души и тела, они допускают два независимых друг от друга первоначала: нематериальную и материальную субстанции. Могут сказать, что наука диалектики давно преодолела этот вопрос, преодолев и метафизику, и окказиализм, и остроту психофизической проблемы. Однако не вопрос о возможности действия без контакта.

Или, наоборот, такой вопрос: не существует ли у тебя контакта со всем миром во все времена и независимо от расстояний только потому, что ты существуешь? Быть - значит быть в контакте со всей Вселенной и в начале ее существования, и со всеми вещами, существующими ныне. Бытие это и есть контакт, более глубокий, чем все известные до сих пор его уровни, более основательный, чем только гравитация, силовые поля, единое пространство и то, что до сих пор нам было известно. Ведь во всей Вселенной существует такая связь всех вещей, как допустимость и недопустимость. Каждая существующая вещь уже находится в контакте со всей Вселенной, что она допускается ею, и не допускается нечто иное в тех же условиях для этой вещи.

Или же взять суфизм, который во многом является таджикской философской традицией. У нас в Таджикистане очень много первоклассных исследователей суфизма, но не столько его философии, сколько философии как истории: исторических условий, описание взглядов. Но нет кардинальной постановки новых проблем современной философии. Например, после Алоуддина Богауддинова в Таджикистане были изданы многие книги, но очень мало исследовалась диалектика суфизма. Разумеется, в Иране много было сделано по поводу диалектики суфизма, но не у нас. Между тем, на наш взгляд, мы должны говорить не просто о диалектике, а о системе диалектики суфизма. Как важнейшей составной части философии таджиков. Это задача вычленения системы диалектики Джалолиддини Руми, Фахриддини Ироки и других. Балхи (Руми) был величайшим поэтом, но нельзя в отношении его говорить только как о литературе.

Еще А. Богауддинов отмечал, что Руми за 500 лет до Гегеля высказывал идеи диалектики. Но сегодня ясно, что речь должна идти не просто об идеях диалектики, а о системе суфийской диалектики в необыкновенной форме, которая составила лицо таджикской и восточной философии (см.: И.Асадуллаев, О.Назриева, указ. работа).

У нас в Таджикистане очень много известных исследователей суфизма, однако, они описывают взгляды представителей суфизма и не ставят новых проблем современной философии. Это не философия, а история: описание исторических условий, описание взглядов. Нет кардинальной постановки новых проблем современной философии в связи со взглядами суфиев.

Некоторые подобным образом относятся и к религии, видя в ней только религию или материал для атеизма. Между тем именно в религии выразилась величайшая идея присутствия: идея присутствия Бога в каждой вещи и повсеместно. Если развернуть идею присутствия в аспекте материализма, то она будет звучать как проблема присутствия вещей друг в друге, как присутствие Вселенной в каждой вещи. Это совершенно новый аспект исследования. Разве эта идея, если ее разработать, не откроет новые аспекты в диалектике и онтологии? Только весь вопрос в том, чтобы уметь ее поставить и решить в плоскости естественных наук и философии. Ее решение не только в гравитации и различного рода взаимодействиях, но в такой проблеме как уникальность каждой вещи и всей Вселенной.

Наша жизнь необыкновенно богата проблемами, надо только уметь увидеть их и выдвинуть в универсальной форме. Например, проблема жизни и смерти, она одна на Востоке и другая на Западе. Разве нельзя увидеть своеобразие проблемы эвтаназии, и там, и здесь? Или же взять такую проблему. Очень много любят поговорить в толстых книгах и статьях о различии Европейской и Восточной цивилизаций, но совершенно не видят, например, проблему принципа неограниченного обнажения всего и вся в мире демократии и сохранения, расширения сокровенного исламом, идущего во имя этого на крайние меры.

Западная цивилизация движется по пути неограниченного обнажения всего и вся. Возникла сексуальная революция, бурно развертывающаяся и сегодня, поражая шокосток Востока. Принцип обнажения опирается на принцип свободы и демократии, это два принципа питают друг друга. Христианство слабо сопротивляется принципу обнажения и вписывается в демократию. Этому принципу обнажения, главным образом, сопротивляется ислам, но принимает радикальные формы. Самое тяжелое жить на границе этих двух миров - восточного и западного. Все болезненное происходит здесь. Между тем, временами западный принцип обнажения прорывается на Восток, а восточный принцип на Запад. Вспомните проблемы мусульманских меньшинств во Франции - требование посещать вузы в хиджабах или платках.

Почему же наши славные философы, претендующие на высокие звания членов-корреспондентов и академиков провинциального Олимпа, претендующего на звание Центра Вселенной, не видят острейших проблем современности?! Разве это не проблемы национальной философии таджиков?! Почему в человеческом познании действует этот принцип обнажения, а в теоретической и практической этике и политике, во взаимодействии цивилизаций принимает драматические и трагические формы?

Разве это не кардинальная проблема современной философии - истории философии, социальной философии, культурологии, религиоведения и политики?

На круглом столе 15 декабря звучали и такие идеи, что без религии нельзя понять Руми, Хафиза, что Ибн Сина для Таджикистана это, прежде всего, врач, а вот на дальних рубежах его знают как религиозного философа. Действительно, религию надо знать, но нельзя все полностью погружать в религию. Может быть главный вклад в таджикскую философию академика РТ Мусо Диноршоева и заключается в том, чтобы показать, как гениально Ибн Сина (Авиценна) вырвался из русла канонической религии, выходил за ее пределы, вызывая проклятия религиозных ортодоксов.

Когда-то коммунисты стремились все утопить в марксизме, сегодня последовательные исламисты стремятся все утопить в религии, не допуская иных подходов.

На деле таджикская философия необычайно богата и противоречива. Да, нужны новые системы философской мысли, но не надо бояться противоречий. В Таджикистане в политике страна пошла по пути сохранения и коммунистов, и исламистов, и демократов и псевдodemократов. И эта гремучая смесь на основе мудрого восприятия и терпимости к противоречиям привела к миру. Так и в философии.

Необходимо исследовать классическую философию новыми проблемами современной философии. Но одновременно вычленять таджикскую философию из суфийской традиции, религии, зороастризма и Авесты, коммунистических идеалов как они уже восприняты нашим народом, поэзии и национальной культуры.

Таджикский язык это тоже величайшая проблема философии. Разве внимание к государственному языку сегодня не помогает возрождению народа как современная философия политики?!

Мы не ставим задачу соединения марксизма и религии или теологии и материализма, и, надо полагать, что уважаемый читатель попытается правильно понять наши таджикские реалии. Национальная философия таджиков должна соответствовать национальной идее, а это значит решать задачу национального спасения. Защитить нас от великих сил современности и великих держав, от глобализации и радикализма, и нас от самих же себя.

Что же касается зарубежной философии, Восточной и Западной, то ее необходимо осваивать, как, например, Гегель осваивал европейскую философскую традицию. Но богатство философии Гегеля заключается в развитии его собственных идей. Народы взаимодействуют, взаимно обогащаются, но их богатство не во внешних приобретениях, а в собственном развитии на самой широкой основе. Ибн Сина (Авиценна) был не только религиозным философом, он был величайшим рационалистом, о чем не снилось многим религиозным философам. Да, чтобы его понять, надо знать религию, но еще больше надо знать Аристотеля, собственно самую философию, которую религия никак не может заменить. Чтобы увидеть философию таджикской нации, нельзя рассматривать поэзию только как поэзию, религию только как религию, суфизм только как религию. Таджикская философия должна быть открыта для огромного мира человеческой духовности, осваивать ее, но проникаться, прежде всего, мудростью своей вековой философской цивилизации. Имея в виду таджикскую философскую традицию, мы должны говорить о философской цивилизации таджиков, потому что наша философия питана всей нашей цивилизацией.

Рустами Вахоб - замечательный человек, глубоко думающий, ищущий, страстно увлеченный, не смог, однако на наш взгляд, увидеть реальную философскую проблему в противоречиях мыслителя Омара Хайяма. То есть не заметил философии там, где ее очень много. Между тем, противоречия и противоречивость это проблема современной философии, а не только поэзии и традиционно понимаемой диалектики. Таджикская философия уже тысячелетия существует. Она воплощена и растворена как предфилософия не только в Авесте и зороастризме, представлена не только в исторических формах творчества наших философско-классиков, в поэзии и суфизме, религии, великих движениях прошлого в противоречивых формах. Таджикская философия продолжается сегодня как поиски национального спасения в наши дни. Надо уметь реконструировать философию, вплетенную в таджикскую цивилизацию, но не как описание и непротиворечивый пересказ, а как выявление совершенно новых для современной мировой философии проблем и аспектов.

Таджикская философия сегодня должна стать передней линией развития мировой философии. Такой она была в далеком прошлом. Сегодня надо вернуть ей вековое величие. А для этого надо уметь, да-да, уметь ставить кардинально новые проблемы. Если нет этого умения, то вам не поможет ни звание члена-корреспондента или академика, ни ученая степень доктора философии или политических наук.

Искандар Асадуллаев
Заслуженный работник Таджикистана,
доктор философских наук,
Член Немецкого Гегелевского Списка Hegel-Ger
(Общества Гегеля Германии)
Газета "Нигох", январь 2008

Источник - [ЦентрАзия](http://www.centrasia.ru)

Постоянный адрес статьи - <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1199659380>